

Роман Иордосопол

Джамиль Гасанлы. Советский Азербайджан: от оттепели к заморозкам (1959–1969). Пер. с азерб. Э. Аббасова. М.: РОССПЭН, 2020. 687 с. ISBN 9785824323863.

Роман Иордосопол, факультет истории, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия. riordosopol@eu.spb.ru.

Монография Джамиля Поладхана оглы Гасанлы, одного из ведущих специалистов по внешней политике Азербайджана и истории советского Востока, представляет собой плод многолетней исследовательской и преподавательской работы. Биография автора – редкий случай сочетания серьезного академического опыта с политической деятельностью высокого уровня, что создает условия для более чувствительной исследовательской позиции, но не переходящей в публицистику или политические программы. Автор работает в Бакинском государственном университете, он доктор исторических наук и является одним из лидеров Национального совета демократических сил Азербайджана (НСДС).

Методологической основой монографии служит подход, сочетающий анализ политических биографий с классическим линейным повествованием об истории советского Азербайджана. Гасанлы также вписывает свое исследование в контекст национальной политики Азербайджана в 1950–1960-е годы, рассматриваемой через призму отношений республики с центральной властью и в связи с трансформациями азербайджанского общества в условиях советско-иранских отношений. Автора интересует роль и значение местного азербайджанского руководства в происходящих изменениях. Монография претендует на восполнение лакуны в изучении истории Азербайджана 1960-х годов, образовавшихся из-за идеологических ограничений (с. 19–21), что сделало Гасанлы практически первым автором, опубликовавшим исследование по этой теме, и вынудило часто обращаться к многотомному изданию «Истории Азербайджана» 2003 года. В исследовании также прослеживается антропологическое измерение власти, проявляющееся в том, как политические стратегии на уровне центра и республики находили непосредственное отражение в культурной жизни общества. Такой ракурс анализа предопределил структуру монографии, выстроенную по хронологическо-проблемному принципу, что нашло отражение в названии книги.

Во введении и первой главе монографии подробно анализируется политический контекст смены власти в СССР и подчеркивается отличие нового поколения руководителей от предшественников: гражданские деятели, без связи с репрессивными органами они смогли проводить более гибкую политику. Обращаясь к фигуре первого секретаря Вели Ахундова, не вписывавшегося в привычные схемы «жесткого номенклатурщика» или «национального героя», автор монографии показывает, что 1960-е годы стали временем выстраивания новой, более «мягкой» управленческой этики. Первый секретарь оказывался носителем особого переходного стиля власти. Его попытка «снять страх» путем отказа от грубой силы

в пользу этического авторитета, пожалуй, уникальный случай, едва ли имеющий прямые аналоги в других советских республиках.

Автор отмечает, что, несмотря на сохраняющийся партийный контроль со стороны советского руководства, 1960-е годы в Азербайджане стали временем культурного и интеллектуального подъема, чему способствовала кадровая политика новых руководителей. При этом индикатором годности новой национальной элиты для решения насущных проблем социализма в регионе было их отношение к «национальному вопросу». «Правильный», с точки зрения московского руководства, республиканский патриотизм в этих условиях предполагал, с одной стороны, описание истории Азербайджана в соответствии с «классическим советским нарративом» (с. 88–89), с другой, подавление инакомыслия среди национальной интеллигенции, которое автор книги иллюстрирует рассказом о процессе над преподавателем Аббасом Замановым, выступившим с критикой территориальных претензий Армении на Нахичевань (с. 76–77). Публичная речь, произнесенная 29 марта 1960 года в Большом зале Академии наук (АН) Азербайджана, в которой он заявил о принадлежности Нахичевани Азербайджану, была восторженно встречена студенческой аудиторией, но вызвала резкую реакцию властей. Члены Центрального комитета Коммунистической партии (ЦК КП) Азербайджана расценили его выступление как националистическую провокацию, что повлекло за собой исключение Заманова из партии, его увольнение и публичное осуждение со стороны вице-президента АН Азербайджана Мамеда Дадашзаде.

Опасаясь обвинений в национализме и стремясь сохранить доверие Москвы, республиканские власти реагировали на любые проявления национального самосознания в научной и культурной среде, рассматривая их как потенциальную угрозу. В то же время, как показывал историк Артемий Калиновский (2020), изучавший положение советской интеллигенции в Таджикистане, позднесоветская модернизационная политика СССР включала в себя не только репрессии, но также поощрение культурной и кадровой активности, если она не противоречила официальной истории СССР и не касалась обсуждения территориальных притязаний или трактовок отношений с Россией. Советское руководство рассматривало интеллигенцию в республиках Кавказа и Средней Азии одновременно и как поле риска, и как ресурс. С точки зрения Гасанлы, положение азербайджанского интеллигента демонстрировало тревожную неустойчивость: лояльность постоянно ставилась под сомнение, особенно если человек публично высказывался на «чувствительные» темы.

Исследуя нюансы новой культурной политики Азербайджана в 1960-е годы, Гасанлы обращается к материалам об организации празднования 150-летия Гюлистанского договора, а также к тексту поэмы Сулеймана Рустама «Слово к русскому брату» (с. 89). Договор связывался с присоединением Азербайджана к России и выступал, с точки зрения Ахундова, доказательством того, что Карабах и Нахичевань – неотъемлемая часть Азербайджана, а поэма Рустама была представлена в знак благодарности, согласно материалам конференции, за «освободительную» роль России в истории Азербайджана. Мероприятие проходило 29 мая 1964 года

в Баку в присутствии членов Политбюро ЦК КПСС, включая секретаря Николая Подгорного и др. Образ «русского брата» был частью официальной риторики, требовавшей от республиканских элит демонстрации признательности Москве в обмен на политическое доверие и экономическую поддержку. Как писал Джефф Сахадео (2023), анализирувавший советскую миграционную политику, фигура русского как «старшего брата» вызвала у людей, приезжавших в российские столицы с Кавказа или из Средней Азии, амбивалентные чувства: от благодарности за доступ к культуре и образованию до горечи и унижения, связанных с асимметричным положением в советском обществе (с. 84–87).

Один из центральных по значимости сюжетов монографии посвящен процессу отстранения Ахундова от управления ЦК КП Азербайджана и подготовке почвы для прихода Гейдара Алиева в 1969 году. Так, смещаемый Ахундов представлен в книге как типичный представитель «оттепельной» номенклатуры – интеллигент, воспитанный на гуманистических ценностях, желающий, по его собственным словам, «снять у людей страх» (с. 651), возникший после сталинских репрессий. Его цитаты, вместо кулака апеллирующие к уму и совести, звучат как попытка выстроить более этичную модель власти внутри репрессивной структуры. Однако, по мнению автора монографии, именно эта «мягкость» оказывается недостатком. В попытке предотвратить децентрализацию в конце 1960-х годов, Москва снова делает ставку на силовой аппарат, что ясно выражено в кадровом решении в отношении Ахундова.

Еще одним важным сюжетом в монографии является религиозный вопрос и советская пропаганда атеизма. Автор рассматривает возрастание религиозности в Азербайджане в 1960-е годы как политически значимое явление, происшедшее в ответ на реформы, смену элит и частичную либерализацию режима. Хотя Гасанлы фиксирует рост активности духовенства и институциональные изменения (например, в Духовном управлении мусульман Закавказья), ислам он рассматривает сквозь призму государственной политики, прежде всего как объект идеологической борьбы и контроля КГБ (с. 514). Однако, как пишет автор, даже в условиях идеологического давления и кампаний вроде операции «Сура Ясин» религиозная жизнь в Азербайджане не исчезла, а скорее адаптировалась. Цель КГБ заключалась в том, чтобы выявить каналы нелегального распространения религиозных текстов, в частности суры «Ясин», которая благодаря своей популярности, легкости запоминания и особому духовному значению часто переписывалась вручную, заучивалась наизусть и распространялась среди верующих в самиздате. Характерно также, что у верующих эта известная сура вызвала ассоциации с духовным пробуждением, смертью и Судным днем.

Автор указывает, что вопреки хрущевским реформам и смене культурной элиты в Азербайджане в 1960-е годы, речь идет не о разрыве традиции, а о смене конфигурации, то есть внутреннем переформатировании религиозности в условиях авторитарного контроля. В этом смысле наблюдения Гасанлы существенно отличаются от наблюдений других исследователей советского ислама, рассматривающих исламскую традицию в СССР как явление, не связанное напрямую с традицией, но утраченное и заново сконструированное в советских условиях. Такой подход

представлен, например, в работе Владимира Бобровникова (2013), анализировавшего дагестанских мусульман в Советском Союзе.

Гасанлы также показывает, что местная элита не только проводила в республике «союзную линию», но и встраивала в нее элементы локальной повестки. Автор детализирует попытки осторожной автономии в кадровой политике, в культурной сфере и даже в инфраструктурных решениях вроде строительства метро в Баку, указывая на те сферы, где «республиканская повестка» проверяла пределы терпимости Москвы. Преимуществом такого подхода является и то, что попытки республиканской автономии предстают не как карикатура на «национализм» или «лоялизм», но как средство описать ограниченное пространство политического маневра в условиях авторитарной системы. В этом плане обсуждаемая книга точнее многих исследований, в которых республиканская номенклатура предстает либо агентами центра, либо потенциальными диссидентами.

Наконец, еще одно направление анализа в монографии посвящено культурной и политической деятельностью Азербайджана в 1960-е годы в контексте истории советско-иранской дипломатии. В рамках этой программы Азербайджан рассматривался как площадка для продвижения советского влияния на территорию Ирана. По оценке Заура Гасымова (2007) в изложении Гасанлы, азербайджано-иранские отношения приобретали особое значение для последующей национальной историографии независимой Азербайджанской Республики.

Несмотря на значительную научную ценность, монография Гасанлы не лишена проблем, заслуживающих критического осмысления. Выбранная автором методологическая перспектива – преимущественно политико-историческая, с акцентом на аппаратную динамику, партийные решения, поведение элит и реакцию Москвы. Хотя такой подход позволяет точно реконструировать траектории Ахундова и других ключевых фигур, работа явно отдает приоритет «верхам» советской системы. Масштабные процессы, такие как рост религиозности, изменения в самоидентификации молодежи или культурные трансформации зачастую подаются в книге как производные от кадровых решений или идеологических директив. В этом плане заметно отсутствие активной субъектности «обычных» людей: интеллигенты, мигранты, верующие, партийные рядовые – все они скорее реагируют, чем действуют.

Кроме того, нарратив Гасанлы отличается очевидной нормативностью. В фигуре Ахундова автор особенно выделяет образ положительного героя – почти гуманиста внутри системы, противостоявшего «языку страха» и грубому администрированию. Этот образ почти не подвергается деконструкции: политический стиль Ахундова предстает как альтернатива позднесоветскому насилию, но не анализируется как часть той же системы. В результате исследование, претендующее на строго научную реконструкцию, частично превращается в акт моральной реабилитации умеренной номенклатуры, особенно на фоне фигуры Алиева, символизирующего возвращение централизованного контроля и карательной логики.

Несколько удивляет и отсутствие авторской рефлексии по поводу колониального характера отношений центра и республики. Несмотря на то, что книга содержит многочисленные сюжеты, которые в логике постколониального подхода мож-

но было бы интерпретировать как проявление внутреннего империализма (например, празднование юбилея Гюлистанского договора, назначение выходца из КГБ во главу республики, демонстративные акты лояльности), сам автор избегает такой трактовки. В отличие от Калиновского, использующего термин «призывник социализма», или Сахадео, говорящего о социальной асимметрии центра и окраин, Гасанлы работает в рамках более традиционной «системной» оптики. Это делает его исследование концептуально менее острым по отношению к самим основаниям советского национального проекта.

Работа актуальна в контексте изучения десталинизации, «оттепели» и их влияния на национальные республики, позволяя лучше понять механизмы советской власти и ее взаимодействие с локальными элитами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бобровников, Владимир. 2013. «Археология строительства исламских традиций в дагестанском колхозе». *Россия и мусульманский мир* 10(256):65–86.
- Гасымов, Заур. 2007. «Утерянная государственность Азербайджана в зеркале историографии: дискуссия об оккупации республики». *Кавказ и глобализация* 5:176–177.
- Калиновский, Артемий. 2020. «Призывники социализма: таджикская интеллигенция и деколонизация по-советски». *Новое литературное обозрение* 1(161):140–156.
- Сахадео, Джефф. 2023. *Голоса советских окраин: жизнь южных мигрантов в Ленинграде и Москве*. М.: Новое литературное обозрение.